

Геннадий Казанцев

Не время для чужих

Геннадий Казанцев
Не время для чужих

«Автор»

2026

Казанцев Г.

Не время для чужих / Г. Казанцев — «Автор», 2026

Продолжение книги "Не время для своих", вторая книга из серии "Не пройти мимо". Смута закончилась, а с ней и знания Антона о грядущем

© Казанцев Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Снег на пороге	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Геннадий Казанцев

Не время для чужих

Глава 1. Снег на пороге

Первый снег в тот год лёг рано и без спешки — будто кто наверху сыпал муку через сито, ровно и подолгу. Антон стоял на крыльце, держал кружку с горячим сбитнем и смотрел, как двор затягивает белым. Хорошо стоял. Без дела, без счёта в голове, без оглядки — впервые за долгое время просто стоял и смотрел.

Год вышел тихий. Москва отдышалась после Смуты, обзавелась царём, и людям наконец-то стало можно думать не о том, как дожить до весны, а о том, что весной сеять. Антонов двор у Покровки оброс хозяйством: амбар, конюшня, две лавки в торговых рядах, своя артель возчиков. Имя его в приказах знали — «тот счётчик, что у Минина считал». Знали и побаивались, и это было удобно.

— Замёрзнешь, — сказала Устя из сеней. Вышла, накинула ему на плечи тулупчик, встала рядом. Под платком — другое лицо, чем год назад: то, спасённое, было пугливое, всё в углы смотрело. Это глядело прямо. — Назар из рядов прибежал. Говорит, в лавке люди ждут.

— Какие люди?

— Не торговые. — Она помолчала. — Приказные.

Сбитень разом перестал быть горячим.

Антон поставил кружку на перила. В животе зашевелилось знакомое, забытое было за год — то холодное, тянущее, что в первый его год тут не отпускало неделями. «Приказные не ходят в лавку поутру по доброму делу. Доброе дело само в приказ зовёт. А когда сами идут — это уже не дело, это охота».

— Степан где?

— На Дон собирается. С утра вожжи смотрит. — Устя глянула на него снизу. — Ты не белей раньше беды-то. Может, пошлина какая.

— Может, — сказал Антон.

Он уже знал, что не пошлина.

В лавке было трое. Один — подьячий, в зелёном кафтане, с чернильницей у пояса на шнуре: при деле человек, пишущий. Двое других — без чернильниц, просто стояли у двери, и смотреть на них было неуютно, как на собак, которым не сказали «свои».

Назар жался в углу за прилавком, бледный, и глазами Антону: беда.

— Антон Иванов сын? — спросил подьячий, не здороваясь.

— Он самый.

— По государеву делу. — Подьячий развернул столбец — длинную, в несколько склеек, бумагу. — Бьёт челом на тебя гость торговый Третьяк Долгий. Что-де ты в прошлом, при ярославском сборе, утаил казны на двести рублёв с полтиною. И что счёты у тебя ведены воровски, в двойную руку: одно в книге, другое себе в калиту.

В лавке стало очень тихо. Только за стеной, в амбаре, хрустел снег под чьими-то валенками — Степан ходил, вожжи смотрел, ничего ещё не знал.

Антон не двинулся. Внутри сделалось вдруг спокойно и пусто, как всегда делалось, когда дело становилось опасным по-настоящему. Страх был — но он отошёл в сторону и сел, как зверь, дожидаться, а голова осталась холодная.

«Двести рублёв с полтиною. Складно. Не сто, не триста — двести с полтиной. Такую цифру не со зла придумывают, такую считают. Кто-то сел и посчитал, как бы половчее меня

подвести. Третьяк Долгий — это кто? Я его не знаю. Меня и не должны знать тем, кто бьёт. Бьёт не Третьяк. Третьяк — рука. А кто плечо?»

И тут же, без зова, поднялось из памяти то, последнее, в прошлой книге его жизни: тёмная горница, чужой ровный голос, Скитский, которого взяли, — мелкая сошка, — и слова, что остались висеть несказанным итогом: *те, кто повыше, уходят. Всегда уходят.*

«Вот ты и пришёл. Не сам. Через бумагу. Через двести рублёв с полтиной».

— Книги мои в порядке, — сказал Антон вслух, ровно. — Все до листа. И за ополчение я отчёт сдавал Кузьме Минычу самолично, под его рукой. Хочешь — поднимем тот отчёт.

— Поднимем, — легко согласился подьячий. И от этой лёгкости Антону стало совсем нехорошо. — Только Кузьмы Миныча на Москве нынче нет, в Казань отъехал. А до его возврата велено тебя по сему челобитью взять на поруки и книги твои опечатать.

Опечатать книги. Остановить дело. Не посадить — посадить рано, доказательств нет, — а связать руки. Закрывать лавки, заморозить торг, пустить по Москве слух: «счётчика-то за воровство берут». К весне от его имени, которое побаивались, останется одно — «вор, что у Минаина крал». А там и доказывать ничего не надо. Имя само себя похоронит.

Тонко сделано. Не сильно — тонко.

— На чью руку поручителей? — спросил Антон.

— Двух дворов хватит. — Подьячий мазнул взглядом по лавке, по добру. — У тебя, чай, есть кому за тебя стать.

«Есть. Но кто за меня встанет нынче — того и заметят. Кто за меня встанет — того после так же бумагой и подведут. Он не меня одного ловит. Он смотрит, кто рядом со мной. Кто мне дорог».

И в этот самый миг скрипнула дверь, потянуло холодом, и вошёл Степан — большой, заснеженный, с вожжами через плечо, румяный с мороза и ничего не ведающий.

— Антоша, кони готовы, можно хоть зав — Он осёкся, увидел троих. Глаза его, старые, но быстрые, прошлись по зелёному кафтану, по столбцу, по двум у двери. И лицо у Степана сделалось спокойное-спокойное. Такое спокойное, какое бывает только у тех, кто беду на своём веку видал не раз. — Здорово, люди. По делу?

— По делу, — сказал подьячий.

— Ну, по делу так по делу, — мирно сказал Степан и поставил вожжи в угол, не торопясь, обстоятельно. — Дело терпит, покуда самовар не остыл. Антоша, ты гостей-то в избу зови. На морозе бумаги читать — чернила стынут.

И в этой простой стариковской хитрости — затянуть, увести в тепло, дать Антону вздохнуть — было столько верности, что у Антона на миг защемило в горле.

Он встретился глазами с Устей, что стояла в дверях лавки и всё слышала. Она не охнула, не побелела. Она смотрела на него спокойно и думала — он видел, как она думает, — то же, что и он: *кто это сделал и как теперь отбиться.*

И Антон вдруг понял, что год покоя кончился. Кончился не сегодня утром, в лавке. Он кончился ещё прошлой осенью, в тёмной горнице, и весь этот тихий, снежный, сытый год был просто отсрочкой. Враг не забыл. Враг сел и посчитал. И сделал первый ход — не по нему, по его делу, по тому, что он строил, по тем, кто рядом.

«Хорошо, — подумал Антон, и холодное в нём окончательно село на место зверем, готовым ждать сколько надо. — Хорошо. Ты считаешь. И я считаю. Поглядим, у кого книга вернее».

Снег за окошком шёл и шёл, ровно, без спешки, заметая следы троих, что пришли поутру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.